

Положительной стороной книги является также детальный анализ исторических источников, которые автор при изучении этногенеза и этнической истории разделил на три категории: 1) документы о численном и родовом составе, 2) документы с информацией по другим вопросам, 3) сведения в произведениях историков, этнографов, географов, путешественников, местных чиновников и др. Рецензируемая работа вводит в научный оборот значительное число новых исторических источников, в первую очередь неопубликованных архивных данных.

Ценной представляется разработанная В. И. Васильевым методика составления и изучения первичных семейно-генеалогических схем. В ходе многочисленных экспедиций он опробовал ее при записях родословных ненцев и энцев. Собранные с помощью этой методики данные дают полную картину этнического, родового и патронимического состава населения сельских советов или территориальных групп, раскрывают ход этнического развития каждой этнографической группы на протяжении 80—100 лет, а с учетом других источников и значительно глубже.

В такой крупной по объему вводимых в научный оборот материалов, по постановке и решению широкого круга проблем работе, какой является рецензируемая монография, естественны, отдельные упущения и недостатки. Их, на наш взгляд, в целом немного. В частности, представляется непонятным, почему автор, указывая на самодийский характер самусьской культуры Томского Приобья, ссылается при этом не на работы В. И. Матюшенко — первооткрывателя и исследователя этой культуры, а на работы других археологов (с. 11). То же следует сказать и об еловской археологической культуре (с. 11). Концепция В. И. Матюшенко о предках самодийцев оказалась почти не затронутой автором монографии. В. И. Васильев на с. 11, солидаризируясь с М. Ф. Косаревым, утверждающим, что самусьцы и еловцы — это этнически разнородные группы населения, даже не упоминает о том, что данные археологических раскопок последних лет свидетельствуют об обратном.

Ареал молчановской культуры В. И. Васильев ограничивает территорией нижнего и среднего течения Чулыма и верховьев Кети (с. 11), в то время как в него входили и приобские земли, да и сам памятник у с. Молчаново находится на Оби. В примечании 18 на с. 44 автор почему-то определяет территорию Эуштинской волости в начале XVII в. правобережьем Оби от устья Томи до самого Томского городка, упуская из виду, что основная территория данной волости находилась непосредственно в бассейне Томи, где был построен, кстати, и Томский городок. Термин «родовое подразделение» употребляется в монографии в качестве синонима понятия «род» (с. 49, 53 и др.), что вносит определенную путаницу, так как под родовым подразделением часто имеется в виду часть рода.

Некоторые сомнения вызывает безоговорочное избрание в качестве критерия для определения принадлежности к разряду аборигенных родов или родов с аборигенным субстратом факта их бывшей безоленности (с. 50, 51, 53). Ведь безоленными могли быть не только аборигены, но и отдельные группы самодийцев. Кстати, автор и сам пишет о том, что часть самодийцев пришла в тундру без оленей. Желательно было бы также более широко привлечение для решения вопросов этногенеза данных материальной и духовной культуры ненцев и энцев. Нельзя не выразить сожаления по поводу того, что в монографии нет указателя этнонимов, родовых, фратриальных и патронимических названий, что затрудняет пользование книгой.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что монография В. И. Васильева, в которой фактически впервые в нашей этнографической науке прослежена этническая история всех групп ненцев и энцев с древнейших времен, является заметным вкладом в изучение происхождения и этнического развития населения Северной Евразии.

В. А. Зибарев, Н. А. Томилов

С. В. Иванов. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII — первая четверть XX в. Л., 1979, 196 стр., с илл.

С. В. Иванов хорошо известен научной общественности как крупнейший специалист по этнографии и искусству народов Сибири. Поэтому каждая его новая работа в этой области вызывает большой интерес.

Много лет ученый отдал собиранию и изучению материалов по скульптуре народов Сибири. В 1970 г. вышла в свет его монография, посвященная скульптуре народов севера Сибири. В рецензируемой работе автор продолжает публикацию материалов по этому виду народного искусства, рассматривая скульптуру тюркоязычных народов — алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII — первой четверти XX в.²

¹ С. В. Иванов. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.

² Скульптуре других народов Сибири и советского Дальнего Востока С. В. Иванов предполагает посвятить специальные исследования.

В кратком, но очень емком «Введении» С. В. Иванов показывает, что история и культура современных тюркоязычных народов Северной и Центральной Азии уходят своими истоками в далекое прошлое и с достаточной отчетливостью могут быть прослежены с хуннского времени (III в. до н. э.— I в. н. э.). Касаясь вопросов происхождения алтайцев, хакасов и сибирских татар и этнографических особенностей их культуры, С. В. Иванов отмечает необычайную сложность этой проблематики, известную противоречивость объяснения тех или иных явлений.

Недостаточно разработаны, например, проблемы этнической истории народов Южной Сибири, а также вопрос о семантике скульптуры, ее роли и значении в общественной жизни создавших ее народов.

Судя по многим признакам, южносибирская скульптура прошла многовековой путь развития, и в изучаемый автором период представляла собою переходную форму от объемных изображений к плоскостным, а от последних — к аниконическим³.

С. В. Иванов рассматривает в основном объемные изображения, представляющие собой бытовые и культовые предметы, сделанные из различных твердых, мягких и пластических материалов.

В первых двух главах книги автор анализирует отдельно скульптуру северных (шорцев, кумандинцев, челканцев, тубаларов) и южных (телеутов, алтай-кижи, теленгитов) алтайцев. Такое изолированное рассмотрение скульптуры этих двух крупных групп алтайцев не случайно.

В силу разных причин у каждой группы алтайцев имелись своеобразные и непохожие друг на друга произведения скульптуры, которые по назначению автор подразделяет на бытовые и религиозные. В скульптуре алтайцев С. В. Иванов прослеживает именно те черты, которые позволяют глубже раскрыть этническую историю изучаемых народов и их историко-культурные связи с ближними и дальними соседями. В этом плане значительный интерес представляет сделанный обстоятельно и убедительно сравнительно-сопоставительный анализ скульптуры южных алтайцев с произведениями тувинцев, бурят, монголов. Автор обращает внимание на металлические шарнирные пряжки с кожаной петлей, привешивавшиеся к поясу замужней женщины, на стремяна, украшенные сверху скульптурными фигурками лежащих животных, на детские деревянные игрушки.

В третьей главе книги С. В. Иванов описывает и детально анализирует под историко-этнографическим углом зрения почти совсем не изученную скульптуру хакасов. Впервые в научный оборот им вводятся уникальные материалы по скульптуре бытового и религиозного назначения, созданной сагайцами, качинцами, кызыльцами и другими группами хакасов. Автор отмечает, что рассмотренный им материал пока не позволяет выявить какие-либо особенности в искусстве отдельных групп хакасов, которые, возможно, имелись в более ранний исторический период.

Так же мало изученной является до сих пор и скульптура тобольских и барабинских сибирских татар, о которой рассказывается в последней, четвертой главе. Исследователям до сих пор не было известно ни одной публикации скульптуры сибирских татар XIX — начала XX в., ныне рассредоточенной по собраниям разных музеев страны; не публиковались еще, к сожалению, и памятники XV—XVI вв., связанные с татарской архитектурой и прикладным искусством периода Сибирского ханства. Тем большую ценность для науки приобретают опубликованные в рецензируемой книге почти 30 произведений скульптуры, в основном, религиозного назначения.

В заключительном разделе книги С. В. Иванов подводит основные итоги исследования. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар прошла, по мнению автора, длительный путь развития и была тесно связана с хозяйством населения, его социальной организацией, обрядами, обычаями, верованиями. Художественная же сторона скульптуры у этих народов была на втором плане, главное ее назначение — утилитарное и культовое.

Произведения скульптуры в известной степени отразили мироощущение и миропонимание народов Сибири, отношение к созданным их богатым воображением существам особого рода, наделенным сознанием и «плотью» и помогающим людям в борьбе за существование.

На многочисленных примерах, убедительно и аргументированно, автор проводит сравнение скульптуры алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII — первой четверти XX в. с произведениями искусства других народов и с некоторыми памятниками древнего искусства Сибири и Центральной Азии. Это сравнение привело автора к очень интересным выводам. Он установил, например, что шарнирные пряжки алтайцев имеют аналогию с подобными пряжками тувинцев, бурят, монголов, народов Приамурья. Тяжелые фигурные стремяна алтай-кижи формой и декором удивительно напоминают стремяна, некогда широко распространенные среди кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Изображения животных на металлических пряжках, стремянах и деревянных

³ Аниконические изображения, или псевдоскульптура, — это объемные предметы, не являвшиеся скульптурой в точном смысле слова (различные кости, завернутые в тряпки или шкурки, простые, необточенные куски камня, палки и сучки, напоминавшие фигуру человека, и т. п.). Такая сильно трансформированная скульптура, почти полностью утратившая признаки образительности, но еще сохраняющая прежнюю семантику, была известна многим народам Сибири.

крючках несут на себе следы древнего «звериного» стиля, характерного для искусства скифского и гунно-сарматского времени. Этот стиль отчетливо выражен в скульптуре тувинцев и южных алтайцев, северным же алтайцам и хакасам он, по-видимому, не был известен. О широких и пока еще недостаточно изученных исследователями историко-культурных связях тюркоязычных и монголоязычных народов свидетельствуют описанные С. В. Ивановым алтайские объемные фигуры из войлока, кожи, тканей, изображающие женщин, а также старинные шаманские налобные повязки алтай-кижи и теленгитов, пряжки алтайской работы. Он справедливо подчеркивает, что отмеченные связи в искусстве народов Сибири не только представляют несомненный интерес для историка искусства, но и являющиеся ценным историко-этнографическим источником, дополняющим данные, полученные при изучении других явлений в материальной и духовной культуре народов.

В заключение необходимо отметить, что анализ скульптурных произведений проведен С. В. Ивановым обстоятельно и всесторонне, аргументированно и вдумчиво. И это позволяет считать ценное исследование одного из старейших советских этнографов С. В. Иванова важным источником и пособием для всех тех, кто интересуется проблемами духовной культуры народов Сибири и смежных территорий Азии.

Н. В. Кочешков

Л. Р. Барат. Сюжеты і матывы беларускіх народных казак. Сістэматычны пазкальнік. Рэдактар І. У. С а л а м е в і ч. Мінск, 1978.

В сказочном эпосе восточных славян белорусская народная сказка занимает свое особое и значительное место. Несмотря на близость содержания и художественной формы со сказками русскими и украинскими, она выделяется самобытными национальными чертами, отразившимися в стиле, образах, сюжетах.

Богатство и разнообразие белорусского сказочного эпоса убедительно раскрыто трудами таких выдающихся собирателей фольклора второй половины XIX — начала XX в., как П. В. Шейн, Е. Р. Романов, В. Н. Добровольский, М. А. Федоровский, А. К. Сержпутовский. Их полновесные, капитальные сборники, вместе с записями других лиц, в том числе одного из зачинателей собирания белорусских народных сказок — М. А. Дмитриева, явились замечательным вкладом в сокровищницу отечественной фольклористики.

Этот вклад в советское время заметно пополнился публикациями вновь записанных сказок в сборниках К. П. Кабашникова, Л. Г. Барага, А. С. Федосика, В. А. Захаровой и др., а также в серийном издании «Беларуская народная творчасць» (кн. I—III, 1971—1978). Всего в последние годы было опубликовано более 200 текстов¹.

Чтобы успешно ориентироваться в этом обильном и разнообразном материале, и тем более способствовать включению его в широкий и активный научный оборот, необходимо было создание различного рода указателей, в том числе указателя сказочных сюжетов. Поэтому работа Л. Г. Барага, предпринявшего систематизацию сюжетов и мотивов белорусских сказок, представляется очень своевременной и нужной.

Указатель «Сюжеты і матывы беларускіх народных казак» — результат многолетнего труда Л. Г. Барага, известного исследователя фольклора, автора монографии «Беларуская казка» (Мінск, 1969) и ряда теоретических статей.

Рецензируемому указателю предшествовали две публикации Л. Г. Барага, посвященные систематизации белорусских сказок о животных и белорусских волшебных сказок², впоследствии вошедшие в него с некоторыми поправками и дополнениями.

Без преувеличения можно сказать, что по своему значению указатель Барага по белорусской сказке явился тем, чем в свое время был указатель Н. П. Андреева по русской сказке. Это несомненно фундаментальный труд, в котором впервые систематизируется с достаточной полнотой и четкостью сюжетный репертуар белорусских сказок. Составитель исследовал и каталогизировал белорусские сказки, изданные, начиная с середины XIX в. в нашей стране, а также за ее пределами, главным образом в Польше (сборники И. Карловича, М. Федоровского, О. Ксльберга, Ч. Питкевича). Наряду со сказками, вошедшими в известные фольклорные собрания, Л. Г. Бараг учел и сказки, рассеянные по периодическим и другим изданиям специального и неспециального назначения («Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Маяк», «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук» и др.). Об объеме проведенной работы можно судить хотя бы по тому, что каталогизации подверглись практически

¹ Общее же количество сказок, записанных в Белоруссии в советское время, естественно, намного превышает эту цифру.

² Л. Г. Бараг. Сюжетный репертуар восточнославянских сказок. — «Эпические жанры устного народного творчества». Уфа, 1969, с. 167—240; *его же*. Сюжеты и мотивы волшебных сказок (Систематический указатель). — «Славянский и балканский фольклор». М., 1971, с. 182—235.